

С. САХАРНОВ

КАК Я СПАС МАГЕЛЛАНА

Издательство
"Детская
литература"

С. С А Х А Р Н О В

Рисунки Ю. Молоканова

Издательство
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Москва · 1967

„ГДЕ МОЯ КИНОКАМЕРА?“

Дело было вечером.

Я сидел на диване и читал Серёже и Косте „Историю великих мореплавателей“.

Это был трагический момент — гибель Магеллана.

— „...тогда, — прочёл я, — отважный путешественник обернулся.

— Назад к шлюпке! — крикнул он товарищам.

Но один из туземцев поднял копье и...“

Тут зазвонил телефон.

— Да, — сказал я. — Из киностудии? Слушаю. Участвовать в спасении судна и снять фильм? Конечно. Билет заказан? Буду на аэродроме.

Сзади меня шлёпнулась на пол книга. Я обернулся.

— Дети, — сказал я, — как вам не стыдно! Костик, слезь с брата. Папа улетает на Дальний Восток, а вы... Где моя бритва? Где кинокамера?

В эту минуту в комнату вошла жена.

— Ну конечно!— воскликнула она.— Стоило мне выйти на минуту — уже драка. Кинокамера тебе дороже детей... Почему на столе чемодан? Что всё это значит?

— У папы новый фильм,— сказал Костик.— Он сейчас улетает. Там что-то случилось... Ты сдался, несчастный?

ЧТО ВСЁ-ТАКИ СЛУЧИЛОСЬ?

А случилось вот что.

Шёл Охотским морем португальский пароход. Шёл, шёл и, подходя к советским берегам, наскочил на каменную мель. На острые камни, которые пробили ему борт.

„Спасите! Окажите помощь!“— передали моряки по радио.

И помощь вышла.

Про то, как наши корабли будут оказывать иностранцу помощь, должен я снять фильм...

— До свидания!— сказал я.— Костя и Серёжа, идите сюда. Не возитесь. Слушайте маму. Не отворачивайтесь — вас целует отец. Про Магеллана дочитаем потом. Побриться мне в самолёте, что ли?

В САМОЛЁТЕ

В самолёте никто не брился.

Реактивные моторы ревели изо всех сил. Тысяча километров в час! Часы летели как минуты. Я изучал карту.

Вот тут Охотское море. Тут остров Сахалин. Тут камень Опасности. На этом камне сидит португалец. Из Владивостока и Корсакова идут спасательные суда... Так... так...

Я поднял голову и увидел, что на меня пристально смотрит чернобородый человек в сером костюме.

Особенно его интересовала моя карта.

Я пожал плечами и снова начал водить пальцем: Сахалин — камень Опасности — Владивосток.

Позади меня сидела старушка с кошёлкой.

— Хорошо на самолёте, — сказала она, — двадцать часов — и дома. А раньше, батюшка, целый месяц добирались!

КАКОЕ БЕЗОБРАЗИЕ!

Открылась дверь, и в салон вошёл лётчик.

— Внимание, — сказал он. — Владивосток не принимает из-за грозы. В Хабаровске дождь. Будем садиться в Южно-Сахалинске. Кто думает сойти, прошу сообщить мне.

Сахалин — это хорошо. Это мне как раз.

— Как Сахалин? — зашумели в салоне. — Почему Сахалин? Нам нужен Владивосток!

— Во Владивосток перелетим вечером. Опоздаем часа на три,— сказал лётчик.

— Какое безобразие!— сказала старушка.— Целых три часа. А говорят — самолёт. Раньше всегда по расписанию ездили.

Я искоса посмотрел на чернобородого.

Он не спускал глаз с моей карты.

Этого человека я, кажется, где-то видел.

НАДО СПЕШИТЬ

В Южно-Сахалинске я первым сошёл с самолёта и помчался на вокзал.

Там я купил билет до Корсакова, влез в вагон и еле-еле дождался отхода поезда.

Надо спешить. Первые корабли уже, наверное, на месте аварии.

— Почему мы так медленно едем?— спросил я проводника.— Неужели нельзя быстрее?

— Нельзя,— ответил проводник,— едем по расписанию.

— Понимаете, там корабль на камнях... Я очень тороплюсь.

Проводник ничего не сказал и пошёл кипятить чай.

Вспомнив, что мне надо побриться, я вышел было в коридор.

Около кипятильника стоял чернобородый и смотрел в мою сторону.

Я вздрогнул и захлопнул дверь.

Через час в дверь постучали.

Вошёл проводник со стаканом чая.

— Извините,— сказал он,— не хотите ли чайку, а?.. Я сам когда-то... матросом... Скорее ехать нельзя, сами понимаете. Вы уж извините.

Из-за этого чернобородого я так расстроился, что не стал бриться.

Что ему от меня надо?

НА КАТЕРЕ

В Корсакове моему приезду очень удивились.

— Вы из Москвы? Так быстро? Первые спасатели подошли к кораблю только что. Пробоина большая — придётся поработать. Если хотите, сейчас туда идёт катер с людьми. Бегите на причал.

На катере было полно народу, вся палуба завалена ящиками.

Спуститься в каюту я отказался. Отсюда лучше видно. С выстрелом завелись моторы.

Катер рывком отошёл от причала и помчался к выходу из порта.

Шлёп, шлёп! — прыгал он с одной волны на другую.

Он бился о волны, захлёбывался, торопился.

СПАСАТЕЛИ

В полдень на горизонте показались три корабля. Один большой и два маленьких.

Большой стоял без движения. Маленькие сновали вокруг него.

— Спасатели, буксиры, — сказал командир катера. — Пластырь заводить будут.

Катер описал дугу около большого корабля. На его палубе стояли португальские матросы и махали нам тёмными шапочками.

Когда катер проходил под кормой корабля, я прочёл его название.

Медными буквами на корме было написано:

„МАГЕЛЛАН“.

Корабль сидел на мели, около его левого борта торчал большущий камень.

Этот камень и пробил ему борт.
По морю шли короткие злые волны. Они захлёстыва-
ли пробоину.
— Подхожу к спасателю!— сказал командир.

С катера я перебрался на буксир. Буксир подошёл к „Магеллану“, и работа началась.

Через час здесь было как на заводе: тарахтел дизель, трещала электросварка, грохали молотки.

Матросы, как муравьи, облепили пробоину. Они ров-

няли её края, сбивали заусеницы, заваривали трещины в борту.

Я вынул кинокамеру и начал снимать.

В лицо мне летели огненные брызги.

Палуба под ногами качалась.

„Ч о п!“

Матросы работали весь день и всю ночь.

К утру края пробоины были заглажены.

Тогда на неё наложили громадную заплату-пластырь — толстенное брезентовое одеяло, прошитое стальной проволокой.

Пластырь крепко привязали к борту.

Пробоина снаружи была закрыта.

Затем на „Магеллан“ передали несколько бочек с цементом.

Задрав голову, я снимал, как поднимают бочки. Зелёная едущая пыль попадала в глаза.

Вместе с португальцами наши матросы залили пробоину изнутри цементом.

— Теперь чопы!— сказал начальник спасателей. Я удивился: что такое „чоп“?

— Чоп?— переспросил начальник. — Очень просто. — Он хлопнул ладонью по кулаку. — Чоп — и дырки нет!

Принесли целый ящик деревянных остроконечных пробок. Ими стали забивать мелкие дыры.

Чоп! Чоп!

ПОД ВОДОЙ

— Не хотите ли спуститься под воду?— спросил начальник. — Сейчас водолазы пойдут осматривать дно.

Я кивнул.

На меня натянули белый водолазный костюм с красными резиновыми манжетами. Надели и привинтили шлем. Дали в руки специальную подводную кинокамеру. Обвязали верёвкой и спустили за борт.

Шшу! Шшу!— с шумом врывался в шлем воздух. Его подавали через шланг.

За круглыми окошками шлема стоял зеленоватый полумрак. Впереди смутно чернел борт „Магеллана“.

Течением меня поднесло к борту. Я увидел перед собой железную стену, поросшую пушистыми зелёными водорослями. Среди них белели острые, как собачьи зубы, раковины.

Справа и слева от меня копошились водолазы. Они тщательно осматривали — метр за метром — борт, камни, дно.

Сегодня пароход будут тащить с мели.

Я поднял камеру и начал снимать водолазов.

Я так увлёкся, что забыл выпустить из костюма лишний воздух.

Костюм раздулся, и я, как громадная белая лягушка, всплыл на поверхность.

За верёвку меня подтащили к буксиру.

Гроыхая свинцовыми башмаками по лесенке и спотыкаясь, я вскарабкался на борт.

САМАЯ ВАЖНАЯ МИНУТА

Водолазы доложили:

— Судно можно снимать с камней!

Но прежде чем тащить пароход с мели, его разгрузили.

„Магеллан“ вёз бананы. Вода попала ему в трюм, и бананы испортились.

Их выбросили в море. Сладкий запах растекался вокруг корабля. Усатые тюлени удивлённо обнюхивали зелёные бананы, плавающие между волн.

Воду, попавшую внутрь „Магеллана“, выкачали к исходу второго дня.

Настала самая важная минута.

Я залез с кинокамерой на мачту.

Два буксира стали впереди „Магеллана“ и подали ему на палубу толстые стальные канаты.

Канаты закрепили за чугунные тумбы — кнехты. Буксиры дали ход, и громадная туша корабля медленно поползла вперёд.

Она ползла по камням, обдирая с железа ракушки и водоросли, оставляя за кормой чёрный расплывчатый след.

Ещё немного... ещё... и корабль закачался на чистой воде.

Теперь спасатели поведут его в порт. На завод.

Мой фильм окончен.

„МАГЕЛЛАН“

Перед уходом я решил побывать на „Магеллане“.

Спасательный буксир подошёл к пароходу, и по узкой верёвочной лесенке я поднялся на его палубу.

Меня встретил португальский капитан.

Рядом с ним стоял... чернобородый.

Я даже рот раскрыл от неожиданности.

— Кто вы такой? — еле выдавил я из себя.

Чернобородый тоже растерялся:

— Пе-переводчик. А, собственно, почему вы?.. Батюшки, да ведь мы

с вами летели из Москвы! Вот встреча! Вы так обросли — не узнать.

— Да?—Я потрогал рукой подбородок.—Так вы переводчик?—Я рассмеялся.—Ну конечно, ведь команда-то — португальцы. А я вас сразу узнал.

— Ещё бы! — сказал чернородый. — Помню, у вас в самолёте ещё карта была. Сахалин, Охотское

море... Я хотел заговорить, но вы с аэродрома убежали. Вы где живёте в Москве?

— На Арбате.

— И я на Арбате!

Так вот где я его видел!

— У меня там девочка. Тихая такая, послушная.
А у вас?

Я вздохнул...

Потом я осмотрел корабль и даже снял ещё несколько кадров для фильма.

Капитан, матросы, переводчик — все наперебой объясняли мне, как пароход сел на мель и что, где у него поломано.

— Ну, до свидания! — сказал я. — Кстати, сегодня на Москву уходит самолёт. Катером можем успеть. Махнули?

— Да нет, — с огорчением сказал чернобородый. — Мне тут переводить ещё с месяц. Придётся остаться. Может, побреетесь? У меня каюта.

— Спасибо, — сказал я, — три дня не брился, потерплю ещё день. Вернусь заросший, как древние мореплаватели. Вот соснуть бы — это да! А знаете, отличный фильм получился!

„НА ЧЁМ МЫ ОСТАНОВИЛИСЬ?“

В Москву мы прилетели вечером. Когда я добрался до дому, было совсем темно.

— Боже, на кого ты похож!— сказала жена.— Не целуй детей, ты выколешь им глаза. Уложи мальчиков спать, я жарю котлеты.

— Четыре дня!— с гордостью сказал я.— Четыре дня, двадцать тысяч километров восьмьсот метров киноплёнки, всего шесть часов сна... Как вы себя вели?

— Прекрасно, — ответил Костя.— Мы слушалишь вшех.

— Почему ты шамкаешь?— закричал я.

— У меня выпал жуб. Шерёшка шел мне на рот.

— Как это можно сесть человеку на рот? Стоило мне уехать на четверо суток... Десятый час. Почему вы не спите?

— Почитай нам!— попросил старший.

Я взял с полки книгу.

— Ну как, улеглись?.. Итак, на чём мы остановились?

— Магеллан шкажал: нажад к шлюпке!

— Ах да... Ну вот: один из туземцев, из тех, что напали на испанских моряков — Магеллан был португалец на испанской службе, — поднял копьё и... — Я посмотрел

в испуганные глаза ребят и сказал:— Впрочем, Магеллан был спасён.

Я захлопнул книгу и рассказал им всё, что видел за эти четыре дня.

Про самолёт, который летел из Москвы на Дальний Восток со скоростью тысяча километров в час.

Про моряков, готовых в любую минуту прийти на помощь друг другу.

Про зелёные бананы, которые плавали вокруг корабля.

Про маленькие спасательные буксиры и огромный израненный пароход.

Про то, как был спасён „Магеллан“.

